

В каждом городе или деревне есть особые присловья, смысл которых понятен только местным, своим. Связано такое присловье с каким-то особенно ярким событием, историю которого часто искажают, а иногда просто забывают. Вот и у нас в Зюзино было такое присловье: «Когда запоют соловьи». Произносилось оно то с вопросительной интонацией, то утвердительно, как ответ на чьё-то сомнение. И была такая легенда, про которую никто и никогда за пределами Зюзино не слышал, да и зюзинцы не все её знали. А вот присловье было в ходу.

Село наше очень старое, ещё с XVI известное на московской земле, оно принадлежало разным знаменитым людям: боярам и князьям, дворянам и купцам, среди которых самой знаменитой была та самая суриковская боярыня Морозова. От этих богатых владельцев в нашем селе остались флигель барской усадьбы да красивая красная церковь святых русских мучеников князей Бориса и Глеба, первых русских святых, убитых своим братом Святополком Окаянным. Село было большое, не богатое и не бедное, семьи жили здесь сотни лет, дома имели добротные, у всех были сады и огороды, рядом лес, подступавший к самому селу, было несколько красивых речек и ручьев, большие пруды.

А ещё был у нас в Зюзино огромный овраг, на дне которого струилась маленькая речка. И странный это был овраг — как гигантская воронка. Вот и рассказывали те, кто хранил историческую память, что во времена царя Бориса Годунова, в самом конце XVI века, вернулся на Москву один колокольных дел мастер, который лет десять до этого отбыл из Москвы неизвестно куда, да и сгинул бесследно. А тут вдруг объявился и добился встречи с самим царём, и встреча та была секретная, без свидетелей. А потом приехали царёвы люди в Зюзино, которое в то время принадлежало цареву ближнему боярину, согнали мужиков на скорые работы и за месяц поставили промышленную избу и обнесли её

забором из цельных брёвен с острями концами наверху.

День и ночь несли службу царские стрельцы, охраняя эту секретную избу, в которой творилась какая-то дьявольщина, а жителям было запрещено приближаться к этой избе. Царь Борис однажды приезжал посмотреть, как идут работы. Но шила в мешке не утаишь, и рассказывали друг другу зюзинцы шёпотом, что делает там мастер три колокола: один своим звучанием должен был вселять ужас во врагов на поле боя, другой — вселять храбрость в своих воинов, а третий — умертвлять всё живое вокруг на много вёрст. Только вдруг ночью раздался страшный взрыв, и на месте секретной избы образовалась огромная воронка.

Когда запоют соловьи (Моё любимое Зюзино)

Царская комиссия из бояр приехала, поглядела и отбыла восвояси, наказав зюзинцам не спускаться в эту воронку никогда. Староста спросил, когда всё же будет можно, и ему ответили: «Когда запоют соловьи».

Село Зюзино у самой Москвы. Если идти мимо фермы, потом мимо колхозных садов, потом по тропинке вдоль заборов сельчан, потом через мостик, под которым журчит безымянный ручей, то придёшь на трамвайный круг, а это уже Москва. Третья трамвай-

метрах от Зюзино стояла зенитная батарея, и, когда ночью немецкие самолёты пытались прорваться в Москву, батарея стреляла. Почти каждую ночь летом и осенью 1941 года. Все ждали конца войны, возвращения своих мужчин. Когда запоют соловьи...

Почти все 500 человек из Зюзинского ополчения погибли 5 марта 1942 года под Ржевом. Полегли они под артобстрелом, потому немцы пошли с огнёмётами, пустили танки, а затем достреливали раненых, а несколько человек взяли в плен. Село будто накрыло черным траурным покрывалом. И уже не говорили зюзинцы своё любимое присловье, потому что не верили, что будет радость, праздник, счастье. В каждой семье погибшие, да не

приветствовали на первомайской демонстрации Гагарина и Фиделя Кастро, и потом всю жизнь этим гордились. Случайно или нет, но всё лучшее в жизни «зюзинцев» происходило весной — когда запоют соловьи.

Зюзинская сельская школа была семилетняя, и для учеников с 4-го по 7-й класс построили кирпичное здание, рядом со старым, ещё дореволюционным деревянным, в котором учились малыши. На переменах весной все от мала до велика высыпали на школьный двор, и, чтобы все слышали звонок, дежурный учитель выходил на крыльцо и звонил с него, и тогда все бегом мчались в свои классы. «Зюзинцев», как магнитом, тянуло к школе. Всяк, спешивший по делам, оста-

комсомольские и пионерские почины и акции, лучшие в Москве спортивные секции и танцевальные коллективы, огромное количество разных кружков с внеклассными занятиями, драматическая студия с театральными постановками и гастролями, школьный кинотеатр с показом кинофильмов по субботам и воскресеньям по 10 копеек за сеанс, встречи с писателями, артистами, музыкантами.

Бывшее Зюзино стало Московоречком, потом Советским, потом Севастопольским районом города Москвы, а образование в нём не уступало старой Москве, и даже было лучше. Много новаций: первый в Москве школьный завод «Чайка», первый в Москве Дом комсомольца и школьника, выездные лагеря комсомольского актива, обменные поездки школьных групп в страны победившего социализма — заставили говорить о районе как передовом не только в Москве, но и в стране.

Вчерашняя деревня, Зюзино уверенно становилось современным, красивым и очень молодым по составу населения городским районом. Зюзинская молодёжь была весела, энергична, уверенно смотрела в будущее и могла дать сто очков вперёд любым «старым москвичам» и по уровню образования, и по уровню развития. 60-е — годы надежд, годы радости. Главным присловьем народа в эти годы стало: «Лишь бы не было войны». А вот у «зюзинцев» по-прежнему было в ходу своё, выстраданное: «Когда запоют соловьи». И пели соловьи под окнами новых хрущёвских пятиэтажек в черёмуховых и сиреневых зарослях в шестидесятых годах так прекрасно, как никогда потом. И проклятый овраг стал местом катаний детворы на лыжах и санках зимой. И было не страшно, а светло и радостно жить.

Только 9 мая каждый год «зюзинцы» выносили во дворы своих пятиэтажек столы и стулья из квартир, патефоны, позже магнитофоны, нехитрую закуску и бутылки с водкой и наливкой и сидели с утра до вечера за своими столами, плакали и смеялись. И видели это подрастающие дети, и не надо было никаких слов о воспитании патриотизма. Дети хотели вырасти такими, чтобы их погибшие предки могли бы ими гордиться. Они хотели построить такой мир, чтобы не было войн и несправедливостей, все друг друга любили и уважали, и коммунизм казался им не утопией и сказкой, а вполне реальным будущим, которое надо заслужить и заработать. Оно обязательно наступит — когда запоют соловьи.

Любовь Никитина

по одному: Альяновы — 3, Антоновы — 3, Городилены — 9, Горские — 3, Гусевы — 13, Журины — 13, Заварзины — 11, Касаткины — 7, Князевы — 4, Корневы — 10, Корёвы — 8, Сорокины — 7, Фуринины — 6, и ещё много-много... И не пели в проклятом овраге весной соловьи.

Прошло ещё три года, пришла Победа. Покрылись белыми цветами черёмуховые заросли, залиловела сирень. И вот тогда в мае 1945 года в проклятом овраге, куда не разрешали спускаться детям, впервые за почти 350 лет запели соловьи. Каждый зюзинец знал, даже не отдавая себе в этом отчёта: соловьи запоют тогда, когда ты пройдёшь назначенный путь, не отступишь и искупишь свою вину, вольную или невольную. Не раньше и не позже. И это время пришло.

В 1961 году в первый класс Зюзинской семилетней школы пришла 46 детей: Корёв, Заварзина, Чучина, Терновская, Гусев, Касаткин — фамилии первоклассников повторяли фамилии погибших. Вся начальная школа была такая — по 40 с лишним детей в классах. Никогда так много детей в классе сельской школы не бывало. Это были дети тех, кто в годы войны был подростком, новое счастливое поколение, не знавшее войны. Первоступники не понимали, почему всё село, собравшееся 1 сентября у школы, улыбается и плачет. И всё же раны, нанесённые войной, затагивались. Вернулись из плена те несколько солдат, что остались живы. В магазинах появились товары без талонов и карточек, снижались на них цены к каждому советскому празднику. В космос полетел Гагарин. СССР договорился с Америкой, и ядерной войны, о которой говорили в селе даже дети, удалось избежать. Куба стала социалистической, а в Москву приехал Фидель.

1 мая 1962 года «зюзинцы»

